

Неспокойно сейчас в Украине, тяжело. И даже солнце весеннее не очень радует. Сегодня в душах много беспокойства и даже страха. Страх за свое будущее и настоящее. Казалось, встали люди за справедливость, за лучшую жизнь, против воров, мошенников, лжи. За это погибли молодые ребята, которым еще жить и жить. Но почему-то появилось противостояние, недоверие, расслоение страны на Запад, Восток, на русскоязычных и «державномовных», на украинцев, русских, евреев, татар. Причем это не просто эмоции. В людях видны отчаяние, надломленность, страх...

Такое в истории было, и не раз. Как писал Екклесиаст, «ничего не ново...» Любая революция, глубокая перестройка общества сопровождались духовными, моральными терзаниями, трагедиями, нередко кровью и жестокостью. И, что страшно, потерями человеческих жизней.

Понятно, нужно многое сделать, чтобы, как сегодня говорят, «сшить страну», донести до каждого **слово**. Сегодня многого не хватает: участия, попыток к единению, к взаимопониманию. Но есть одно понятие, без которого человек не может существовать, — это доброта. Добро по отношению друг к другу, к своим соседям, знакомым и незнакомым. А сегодня на экранах, в прессе главенствуют неприятие, жесткие суждения, злоба, грубость. А добрых

слов нет. Слов примирения, участия, доброжелательности — нет. Не согласен с афоризмом «Красота спасет мир». Больше чем уверен, мир спасут доброта, благородство, порядочность. Причем не играет роли, кому это предназначено — отдельному человеку или всей стране.

И как подарок судьбы в эти тяжелые дни было письмо, которое переслал мне профессор Олег Григорьевич Иванько. Письмо от его бывшей студентки, где в полной мере поведано о тяжелых судьбах и о людях — добрых, благородных и порядочных. Имея на то разрешение автора, хочу, чтобы и вы почувствовали тепло в душе...

Уважаемый Олег Григорьевич, спасибо за ваше письмо!

История моей жизни достойна либо хорошей книги, либо сценария для Голливуда. Почему? Потому что все, что происходит, выходит за всякие теории вероятности.

Когда мы с вами познакомились впервые, я была на 3-м курсе, мамой троих детей и студенткой одновременно. Я достойно училась, но не мечтала тогда о карьере врача в США, и мне все это казалось нереальным. Между пятым и шестым курсом я удочерила двух девочек из дома ребенка, 6 месяцев и 3,5 года, и ради старшей взяла академический отпуск. Затем вернулась через год и закончила 6-й курс, получила

красный диплом (с 5 четверками). Затем через Министерство изменила распределение на врача СМП, закончила интернатуру и пошла работать на 7-ю подстанцию. Одновременно участвовала в жизни сирот. И пришло решение помочь еще детям. Причем окрыленная успехом с Настей (моей 3,5-летней девочкой с умственной отсталостью, ожирением и аутизмом, а через 2 года вполне нормальной, хотя и «сложной», — сейчас ей 10 лет и она ученица престижного 99-го лицея г. Запорожья — но это отдельная история!), окрыленная успехом в работе с «невозможным» ребенком, как ее характеризовали в детском доме, я решила полюбить еще какого-нибудь ребенка (детей), у которых нет шансов на усыновление более разумными гражданами. Так у меня и появилась 10-месячная Тоня (по усыновлению — Соня), ее 10-летний брат, ни дня не бывший до усыновления в школе, живший на улице до этого, а потом и еще один 5-летний мальчик Сережа, которого разлучали с младшей сестрой, и у него тоже не было никаких шансов. О моих детях... о них нужно писать отдельные книги — о каждом из них. Сломанные судьбы, исцеленные Богом.

Так вот, в декабре 2010 ко мне пришла 10-месячная девочка Соня, и я не знала ничего больше того, что мне сказали: стеноз легочной артерии, маловесный недоношенный ребенок мамы-алкоголички и наркоманки. А оказалось, еще и распространенный тромбоз воротной и селезеночной вен, и варикозно расширенные вены желудка и пищевода. Первое кровотечение произошло в 1 год, и она попала в реанимацию 5-й детской больницы. О нас написали на сайте благотворительного фонда Альберта Павлова «Счастливым ребенком» примерно через месяц после начала всей этой борьбы за ее жизнь. Когда мы истощили все финансовые источники, а это произошло быстро, я обратилась, по совету людей, в этот фонд. После стабилизации состояния я отвезла дочь в областную детскую больницу города Днепропетровска, к нашему коллеге Андрею Григорьевичу Запороженко, и со всеми последующими кровотечениями справлялись уже там, а было их 5 за 4 месяца, с рефлекторной остановкой сердца во время самого массивного кровотечения и успешной реанимацией прямо в отделении плановой хирургии. В это же время, когда мы уже начали общаться и лечиться у Андрея Григорьевича, появился наш Ангел-Хранитель — украинский бизнесмен, который позвонил мне и сказал: «Ваши финансовые вопросы я беру на себя. Ищите, где и как можно помочь Соне». Я тогда перевернула все книги и весь Интернет и знала, что ей нужна операция Rex-shunt или любой другой анастомоз. Я наладила связь с детской университетской клиникой в г. Регенсбурге, южная Германия. Туда мы и поехали, как только стабилизировали ее настолько, чтобы лететь в самолете. В Германии провели все возможные исследования, созвали консилиум из 4 ведущих хирургов, и мне, как коллеге, а не

маме, все результаты показали — насколько распространен тромбоз и что-либо сделать невозможно. А девочка была слишком маленькой. Конечно же, кормили ребенка только смесью, и лишь в Германии начали кормить мягким пюре — все из-за варикозных вен 3-й степени, несмотря на проведенные склерозирования. Новые вены появлялись на месте склерозированных.

Нас пригласили вернуться через год, когда Соня подрастет, чтобы рассмотреть вопрос о пересадке печени. Еще когда мы были в Днепропетровске, я нашла огромный интернет-ресурс — блог о портальной гипертензии, который ведет канадец, сам живущий с такой патологией. Там я нашла сотни счастливых свидетельств американских мам, вернувшихся из детской больницы в Чикаго, где их оперировал хирург-трансплантолог с мировым именем, д-р Рикардо Суперина. На тот момент у него был опыт более 120 успешных операций. И я решила — нам нужно к нему! Чудо, как я все же добилась его внимания! Это, опять же, отдельная история, но это факт. Когда мы возвращались из Германии, я наладила с ним связь и прямо из Регенсбурга, сервисом DHL, отправила доктору Суперине диски с записью обследований Сони. Как только мы вернулись домой, произошло последнее и самое страшное кровотечение. Мы еле успели довести ребенка до Днепропетровска, и нам подготовили место в реанимации по моему звонку. Я передала девочку из рук в руки реаниматологам.

Что спасло ее жизнь? В Германии для Сони заказали и изготовили зонд Блэкмора ее размера и дали мне его с собой. Как были удивлены и благодарны врачи в Днепропетровске, когда вместе с кровоточащим ребенком я привезла им и этот миниатюрный зонд!..

Ответ американского доктора пришел в ту страшную ночь, когда я сидела под дверью реанимации Днепропетровской областной детской больницы и не знала, доживет ли моя дочь до утра... Доктор Суперина написал мне, что у него очередь на полгода вперед, но, учитывая ситуацию, нас ждут 29 августа 2011, и должны мы быть на неделю раньше для повторения всех обследований и предоперационной подготовки. А было уже 21 июня! И сумму оплаты за операцию назвали космической, если перевести в гривны — семизначная цифра получилась... Но я получила сообщение нашего спонсора: «Раз смогла добраться до лучшего хирурга в мире — поедешь в Америку». И... мы получили визу в рекордно короткие сроки! Но наши коллеги не считали возможным принятие такого тяжелого ребенка на борт, который будет над океаном 9 часов... На что американская клиника дала ответ: примите на борт, мама окажет первую помощь, а мы встретим. Благодаря тому, что мы опоздали на рейс, нас доставили на борт персонально, когда самолет начал парковку на взлет. Никто не вникал во все бумаги, и мы отправились в Германию. Во Франкфурте я смогла объяснить ситуа-

цию, и мы без промедлений полетели дальше. Было, конечно, страшно. У девочки была рвота, но удалось провести седацию на борту и все обошлось. Мы долетели почти без происшествий.

После всех обследований состоялась операция. Первоначально был создан Rex-shunt, который, к сожалению, проработал лишь 5 минут, и начался ДВС-синдром. Операционная травма оказалась слишком большой... После 3 часов борьбы за жизнь Сони и стабилизации состояния хирург смог создать мезокавальный шунт, используя ту же вену! Пришлось удалить левую долю печени, как источник ДВС-синдрома... В операционной зале она провела 13 часов! Доктор мне потом говорил, что это самый сложный его опыт, но он рад, что взялся оперировать мою дочь. После долгого пребывания в реанимации — 6 дней для Америки много — мы оказались в отделении Children's Memorial Hospital of Chicago, и еще через неделю смогли отправиться под наблюдение в Ronald Macdonald House, где мы жили еще 4,5 месяца после операции.

Вот я и решила стать врачом здесь, в Америке! И начала узнавать, как это сделать. Я сдала TOEFL без всякой подготовки и начала заниматься другими вопросами, собирать документы для подачи в Каплан. Мы вернулись в Украину 12 января 2012 года, и 30 апреля я получила форму I-20, а 12 мая — учебную визу. В Чикаго мы с Соней вернулись 22 мая 2012, и я начала учебу в учебном центре Каплана. Соня начала ходить в частную школу Монтессори. Мне не нужно было вновь поступать в медицинский университет. Я подала мой диплом, и он был признан. Я только перевела его в американские кредитные часы, и все ОК — достаточно кредитов, лишь нужно сдать экзамены для получения лицензии и подачи документов в резидентуру. Для сдачи перво-

го экзамена я училась 18 месяцев. Это было очень долго, можно было справиться и за год. Если бы у меня не было столько проблем с остальными семейными детьми, которые остались в Украине, и я бы более разумно использовала время, могла бы за год подготовиться. В Каплане я вначале прослушала курс лекций 14 недель по всем 11 основным доклиническим дисциплинам, затем ходила в центр со своим компьютером и занималась — читала книги, решала тренировочные тестовые задачи, потом анализировала ошибки. Так все там занимаются. Благо, возможностей неограниченное количество, и книг, и баз тестов. Я слишком много хотела охватить вначале и из-за этого много времени потратила не на главное. Но теперь я уже знаю, что и какие источники лучше. И именно их использовать надо. Я их уже активно использую, готовясь ко второму экзамену. Вообще учиться в Америке — это все реально! Можно «щелкать» эти экзамены, если имеешь хорошую первоначальную базу. Потом надстраиваешь то, что необходимо еще знать. И приходит момент, когда начинаешь мыслить так, как от тебя этого хотят, и начинаются хорошие результаты. Чувствуешь себя человеком, врачом, умным в конце концов! Потому что понимаешь все механизмы. Становится легко и ясно как день то, что казалось дремучим лесом до того.

Я буду заканчивать это письмо — нужно уделить внимание дочке — у нас почти 9 утра, суббота.

Спасибо вам еще раз за то, что помните меня и рады моему успеху!

С уважением, Татьяна.

Что-то комментировать или обсуждать не хочу. Побольше бы таких писем...

Главный редактор Е.И. ЮЛИШ ■

